

Секция «Журналистика»

Концепт «Свой-Чужой» в русском пословичном фонде
Дворцова Елизавета Игоревна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
журналистики, Краснодар, Россия
E-mail: dvortsovae@mail.ru

Оппозиция «Свой/Чужой» пронизывает всю русскую и общемировую культуру, это константа в любой национальной языковой картине мира. Современные процессы глобализации заострили вопросы, связанные с самоидентификацией и противопоставлением Я – Иной. В основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различия своего и чужого. Вот почему изучение особенностей структуры языкового воплощения данного концепта является сегодня одним из наиболее актуальных лингвокультурологических вопросов.

Для того, чтобы выявить особенности реализации данного концепта именно в русской культуре, мы выбрали объектом изучения русские пословицы и поговорки. По нескольким источникам была составлена выборка в 424 единицы.

Анализ структуры позволил выявить особенность лингвистического представления концепта. Все пословицы могут быть разделены на две группы: в первой двухчастный концепт выражается в двухчастной же синтаксической структуре (*Чужого не желай, а своего не теряй*). Во второй эксплицитно выражена только одна составляющая (*Всякому свое дитя жалко*).

Вторая классификация – это классификация по признаку модальности. Пословицы, в которых противопоставление «Свое/Чужое» сопровождается той или иной оценкой, также делятся на две группы, выражающие два противоположных смысла. В первой свое оценивается положительно, чужое – отрицательно: *Свой глаз – алмаз, чужой – стеклышко*. В эту же группу войдут предложения со своеобразным семантическим эллипсисом: *В своем доме и углы помогают* (Свое +).

Вторая группа пословиц выражает противоположное значение: *В чужую жену черт мед кладет, а в свою – уксуса подливает*. Здесь также выделяется подгруппа, где первый или второй член оппозиции эллиптирован: *В чужой лодке всегда больше рыбки* (Чужое +). Единиц же со структурой «Свое - » почти нет. То есть вне явно выраженного противопоставления своего и чужого свое практически всегда оценивается положительно.

В выделяемых группах реализуется разная модальность. Пословицы первого типа можно расценивать как этические установки. Образ действий, описываемый в них, расценивается носителями языка как норма. Вторые содержат скрытую полемику. Можно предположить, что это самоироничная констатация действительности, расходящейся с идеалом. Ярчайшим примером рассматриваемого парадокса является амбивалентная пословица *Чужой хлеб всегда вкусен* (*Чужой хлеб всегда не вкусен*).

Мы исследовали два типа единиц. В пословицах первого типа концепт лексикализуется. Это не обязательно слова «свой» и «чужой». Представив в виде схемы параметризацию исследуемых понятий, мы выявили, что у одного члена оппозиции нет выраженного противоположного члена. Обращает на себя внимание и тот факт, что

своим считается бедный. Это позволяет сделать вывод о том коллективном авторе, который являлся создателем этих единиц. Пословичный фонд пополнялся, в основном, представителями низших сословий.

Кроме того, «чуждость» оказывается понятием относительным, можно говорить о разных ее степенях. То есть определение «чужести» зависит от точки отсчета. Лексикализация данного концепта позволяет представить его в виде концентрических кругов, которые демонстрируют своеобразную картину самоидентификации русского человека.

Исследуемый концепт может выражаться только на семантическом уровне (*Волк волка не ест*). Свое/Чужое противопоставляется чаще всего на уровне оппозиций: родина – чужбина, свой дом – чужой дом, своя семья – чужая семья. Пословицы, в которых речь идет о доме, часто демонстрируют смысловое соответствие «дома – своеволие, в гостях – порядок» (*В людях добро, а дома вольно*). Здесь можно вести речь о выражении одной из черт русского национального характера.

В ходе исследования была выделена также и третья группа пословиц. В них исследуемый концепт представлен безоценочно. Одним из основных выражаемых смыслов в этой группе является «эмоциональная изоляция», эгоизм (*Моя хата с краю*), что противоречит такой особенности русской культуры, как коллективизм, общинность, соборность. В некоторых единицах говорится о возможности (или необходимости) преодолеть укоренившийся изоляционизм (*Чужих нет, а своих мало*).

В пословицах выражаются две противоположные установки по отношению к частной собственности: с одной стороны *Чужая краюшка на столе не улежит*, а с другой – *Чужое добро не в корысть*. Здесь язык четко выражает особенности русского менталитета. В пословицах первого типа мы видим игнорирование права частной собственности.

На основании собранного языкового материала нами были сделаны выводы как собственно лингвистические, касающиеся языковых особенностей воплощения концепта, так и лингвокультурологические, связанные с русским национальным характером.